

Рибо Теодюль

Болезни личности

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 159.9
ББК 88
Т33

Т33 **Теодюль Р.**
Болезни личности / Рибо Теодюль – М.: Книга по Требованию, 2023. – 247 с.

ISBN 978-5-519-80659-6

ISBN 978-5-519-80659-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

много обсуждались естествоиспытателями и въ то же время оставались бы столь мало разъясненными относительно низшихъ ступеней животнаго царства. Здѣсь не мѣсто объ этомъ подробно говорить. Но въ концѣ настоящаго труда, разсмотрѣвъ составные элементы личности, мы приступимъ и къ обзору ея въ цѣломъ. Тогда будетъ время сравнивать ее съ тѣми низшими формами, въ которыхъ природа пыталась ее проявить, и показать, что психическій индивидуумъ есть ни что иное, какъ выраженіе организма: столь же незначительное, простое, безсвязное или сложное и такое же нераздѣльное. Пока достаточно напомнить посвященному въ этого рода изслѣдованія читателю, что по мѣрѣ того какъ мы опускаемся въ градаціяхъ одушевленныхъ существъ, мы видимъ, какъ психическій индивидуумъ формируется изъ болѣе или менѣе полного сліянія простѣйшихъ индивидуумовъ, т. е. какъ изъ мѣстныхъ сознаній составляется сознаніе общее. Такія открытія естествоиспытателей въ высшей степени важны для психологіи. Благодаря имъ, проблема личности преобразуется. Мы убѣждаемся, что изученіе ея надо начинать снизу, и въ заключеніе является вопросъ: да и человѣческая личность не есть ли

тоже «составное цѣлое», крайняя сложность котораго скрываетъ отъ насъ источники его происхожденія. Послѣдніе такъ и оставались бы для насъ скрытыми, еслибъ существованіе элементарныхъ формъ не бросало свѣта на механизмъ этого сліянія.

Человѣческая личность—единственная, о которой мы вправѣ говорить, особенно въ патологическомъ изслѣдованіи — составляетъ конкретное цѣлое, комплексъ. Чтобы его понять, необходимо его анализировать, но анализъ здѣсь роковымъ образомъ долженъ быть искусственный, потому что онъ разъединяетъ группы феноменовъ, которые не случайно являются вмѣстѣ, а представляютъ сочетаніе и относятся другъ къ другу не въ порядкѣ одновременности, а въ порядкѣ взаимной зависимости. Этотъ анализъ однако неизбеженъ. Ясность дѣленія, котораго я буду держаться, надѣюсь, сама себя оправдаетъ. Я послѣдовательно разсмотрю органическія, аффективныя и интеллектуальныя условія личности, преимущественно останавливаясь на аномаліяхъ и расстройствахъ. Заключительный обзоръ дастъ возможность эти разъединенныя элементы вновь сгруппировать.

II.

Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію и объясненію фактовъ, ради ясности и въ видахъ добросовѣстности, нелишнее условиться насчетъ природы сознанія. Здѣсь дѣло не въ монографіи, которая, такъ сказать, обнимала бы всю психологію: достаточно, если мы ясно установимъ задачу.

Откинувъ подробности, мы имѣемъ передъ собою только двѣ гипотезы. Одна изъ нихъ, очень древняя, рассматриваетъ сознаніе, какъ основное свойство «души» или «духа», какъ то, что составляетъ сущность послѣдняго. Другая, новѣйшая, видитъ въ сознаніи лишь простой феноменъ, связанный съ мозговою дѣятельностью, — явленіе, которое имѣетъ свои собственные условія существованія и, въ силу обстоятельствъ или появляется, или исчезаетъ.

Первая гипотеза господствуетъ уже столько вѣковъ, что теперь не трудно оцѣнить ея достоинства и недостатки. Я не намѣренъ ее опровергать. Съ меня довольно будетъ установить ея коренное безсиліе въ объясненіи бессознательной жизни духа, о которой къ тому же она уже

долгое время вовсе не упоминаетъ. Столь ясныя и глубокіе взгляды Лейбница на этотъ предметъ остаются забытыми или по крайней мѣрѣ безъ употребленія. Самые извѣстные психологи, даже въ нашъ вѣкъ (за немногими исключеніями) признаютъ ихъ съ ограниченіемъ. Когда же, наконецъ, вопросъ сталъ неотложнымъ и всѣ убѣдились, что ограничивать жизнь психическую одними данными сознанія было бы такой узкой и бѣдной концепціей, что она оставалась бы ни на что не пригодною на практикѣ,—тогда психологи пришли въ великое затрудненіе. Пришлось допустить «безсознательныя состоянія» — терминъ двусмысленный и противорѣчивый. Онъ быстро распространился, имѣетъ равнозначащія выраженія на всѣхъ языкахъ, но по самой природѣ своей обличаетъ періодъ той путаницы, въ которую возникъ. Что такое эти безсознательныя состоянія? Самые осторожные заявляютъ о ихъ существованіи, не пытаясь ихъ объяснять. Болѣе смѣлые говорятъ о латентныхъ идеяхъ, о безсознательномъ сознаніи. Но всѣ эти выраженія крайне неопредѣленны и полны непослѣдовательностей, въ чемъ и сознавались многіе изъ писателей. Если дѣйствительно стать на точку зрѣнія, что душа есть мыслящая субстан-

ція, а состоянія сознанія только ея форми (модифікаціи), то нельзя безъ очевиднаго противорѣчія приписывать душѣ безсознательныхъ состояній. Тутъ не помогутъ никакія діалектическія уловки, никакая изворотливость рѣчи, и такъ какъ нельзя отрицать огромнаго значенія безсознательныхъ состояній въ качествѣ факторовъ психической жизни, то мы и приходимъ къ безвыходному положенію.

Вторая гипотеза сразу избавляетъ насъ отъ всѣхъ этихъ словопреній. Она приводитъ къ нулю изобилующіе въ первой искусственные вопросы (въ родѣ того, есть ли сознаніе способность общая или частная) и мы можемъ смѣло требовать для нея привиллегій *lex parsimoniae*. Она проще, яснѣе, состоятельнѣе. Въ отличіе отъ первой мы можемъ ее характеризовать тѣмъ, что она выражаетъ безсознательное фізіологическими терминами (состоянія нервной системы), а не психологическими (латентныя идеи, неощущаемыя ощущенія и т. д.). Но это лишь частный случай гипотезы, которую надо разсматривать въ ея цѣломъ.

Замѣтимъ прежде всего, что сознаніе, какъ и всѣ общіе термины, должно разлагаться на конкретныя данныя. Какъ не существуетъ воли

вообще, а есть хотѣнія, такъ точно не существуетъ и сознанія вообще, а есть состоянія сознанія: они одни реальны. Но что касается стремленія опредѣлить состояніе сознанія, или фактъ пребыванія въ сознаніи, то попытка эта была бы празднымъ предпріятіемъ: это данное наблюденія, конечный фактъ. Физиологія насъ научаетъ, что проявленіе сознанія всегда находится въ связи съ дѣятельностью нервной системы, преимущественно мозга; обратное не обязательно. Если каждая психическая дѣятельность подразумеваетъ нервную дѣятельность, то всякая нервная дѣятельность не подразумеваетъ психической. Нервная дѣятельность гораздо шире психической: сознаніе, значить, оказывается чѣмъ-то придаточнымъ. Другими словами: каждое состояніе сознанія есть случай сложный, предполагающій особое состояніе нервной системы. И этотъ нервный процессъ есть не аксесуаръ, а существенный элементъ явленія. Болѣе того: онъ есть фундаментъ послѣдняго, его основное условіе. Какъ только имѣетъ мѣсто нервный процессъ, онъ какъ явленіе существуетъ уже самъ въ себѣ; когда же присоединяется сознаніе, онъ можетъ существовать для самого себя. Сознаніе его пополняетъ, доканчиваетъ, но не составляетъ.

На основаніи этой гипотезы легко понять, какъ всѣ проявленія психической жизни: ощущенія, желанія, чувства, хотѣнія, воспоминанія, разсужденія, изобрѣтенія и пр., могутъ по очереди быть сознательными и безсознательными. Въ этихъ альтернативахъ нѣтъ ничего таинственнаго, такъ какъ существенныя, то-есть фізіологическія условія во всѣхъ случаяхъ и для cadaго явленія тѣ же, а сознание является только усовершенствованіемъ.

Слѣдовало бы еще опредѣлить, почему это усовершенствованіе то присутствуетъ, то отсутствуетъ; потому что еслибы въ первомъ случаѣ самъ фізіологическій феноменъ не представлялъ ничего большаго, чѣмъ во второмъ, то косвенно мы отдали бы предпочтеніе противоположной гипотезѣ. Еслибъ можно было установить, что сознание появляется всякій разъ при существованіи извѣстныхъ фізіологическихъ условій, а съ ихъ исчезновеніемъ всякій разъ исчезаетъ, — что со всякимъ измѣненіемъ этихъ условій измѣняется и сознание, — то это не было бы уже гипотезой, а научной истиной. Но намъ далеко до послѣдней. Можно только съ достовѣрностью предсказать, что не сознание приведетъ насъ къ ея открытію. Оно, какъ справедливо замѣчаетъ

Маудслей, не можетъ быть одновременно слѣд-
ствиемъ и причиной: — ни оно само, ни его час-
тичные антецеденты. Сознаніе живетъ одно мгно-
веніе и не можетъ путемъ непосредственнаго
усмотрѣнія вернуться назадъ къ своимъ бли-
жайшимъ фیزیологическимъ антецедентамъ. Къ
тому же, спускаясь обратно къ своимъ мате-
ріальнымъ антецедентамъ, сознаніе уловило бы
не самое себя, а свою причину.

Химерична была бы въ настоящее время по-
пытка, хотя бы даже грубаго опредѣленія усло-
вій, необходимыхъ и достаточныхъ для того,
чтобъ появилось сознаніе. Извѣстно какую важ-
ную роль играетъ мозговое кровообращеніе, какъ
въ смыслѣ количества, такъ и качества крови.
Опыты, произведенные надъ головами только что
обезглавленныхъ животныхъ, служатъ порази-
тельнымъ тому доказательствомъ. Небезизвѣстно
также и важное значеніе продолжительности нерв-
ныхъ процессовъ въ центрахъ. Психометрическія
изслѣдованія ежедневно доказываютъ, что состоя-
ніе сознанія требуетъ тѣмъ больше времени, чѣмъ
оно сложнѣе, и что, напротивъ, отличающіяся
крайней быстротой автоматическія дѣйствія, нер-
вичныя или чѣмъ либо вызванныя, не прони-
каютъ въ сознаніе. Можно еще принять, что поя-

вление сознанія связано съ періодомъ дезассимиляціи нервной ткани, какъ это обстоятельно показалъ Герценъ *). Но всѣ эти результаты не болѣе какъ частныя приобрѣтенія; научное же знаніе генезиса какого либо явленія предполагаетъ опредѣленіе всѣхъ существенныхъ его условій.

Это можетъ быть достигнуто въ будущемъ. Пока же будетъ полезнѣе для подкрѣпленія нашей гипотезы, если мы докажемъ, что она одна объясняетъ главное свойство (но не условіе) сознанія — его перемежаемость. Во избѣжаніе съ самаго начала всякихъ недоразумѣній, замѣтимъ, что дѣло здѣсь идетъ не о безсвязности состояній сознанія между собой. Каждое состояніе имѣетъ свои границы, которыя, позволяя ему соединяться съ другими состояніями, ограждаютъ его собственную индивидуальность. Дѣло не въ этомъ, а въ хорошо извѣстномъ фактѣ, что сознаніе имѣетъ свои перерывы, или, говоря по просту, нельзя всегда думать.

Истина эта, правда, оспаривалась большинствомъ метафизиковъ. Но они никогда не подтверждали своего тезиса доказательствами. Вѣ-

*) *Revue philosophique*, t. VII, p. 353, и *La Condizione fisica della coscienza*, in—4°, Roma, 1879.

роятности же всё противъ нихъ и потому, кажется, на ихъ долю должно отнести *onus probandi*. Доводы ихъ ограничиваются слѣдующимъ: такъ какъ душа есть по существу нѣчто мыслящее, то невозможно, чтобъ сознаніе не существовало постоянно въ какой-нибудь степени, даже и тогда, когда въ памяти не сохраняется никакого слѣда. Но это лишь предложеніе требующее доказательствъ (*petitio principii*) и поддерживаемая нами гипотеза оспариваетъ именно первую посылку метафизиковъ. Ихъ мнимое доказательство въ концѣ концовъ лишь выводъ изъ спорной гипотезы. Устранимъ всякое рѣшеніе *a priori* и рассмотримъ вопросъ въ самомъ себѣ. Опустивъ всё случаи обморока, вызванной анестезіи, эпилептического головокруженія, коматознаго состоянія и т. д. и остановимся лишь на самомъ обыкновенномъ и чаще всего повторяющемся явленіи: на психическомъ состояніи во время сна. Иные утверждали, что сна не бываетъ безъ сновидѣній: это чисто теоретическое заключеніе, выводъ изъ вышеприведеннаго принципа, что душа всегда мыслить. Единственное фактическое тому доказательство состоитъ въ томъ, что спящій человѣкъ, если его позвать или о чемъ либо спросить, отвѣчаетъ иногда довольно